

Дизайнер Дензен Барсболдт — в интервью «Газете»

«Я — последний кочевник»

Помимо специализированного стенда Speak Russian и двух разделов, посвященных российской тематике в китайских изданиях и китайской в отечественных, русский сектор пекинского книжного форума кардинально отличается от аналогичных наших экспозиций на других международных ярмарках разве что наличием застекленных столиков с книгами микроскопического размера и таким региональным дополнением, как стенд «Книги Татарстана». По соседству со стеллажами издательств, выпускающих научную и учебную литературу, расположились полки «ОЛМА-Пресс», «Вагриуса», «АСТ» и «Эксмо». Список ведущих издательских домов, добравшихся до Пекина, далеко не полон. Но досадного ощущения неприветливости, знакомого по осмотру наших книжных выставок на некоторых форумах последних лет, практически не возникает — возможно, благодаря обилию качественного нон-фикшна и тематических изданий, часть которых вписывается в китайский и вообще восточный контекст. Все редкости и красоты, которые были проанонсированы в предварительных сообщениях, — вроде тех же микрокниг — действительно присутствуют. Другим безусловным преимуществом программы «Россия — почетный гость XIII Пекинской книжной ярмарки» стал оригинальный дизайн нашего стенда. Автор всех визуальных и пространственных решений в рамках российского павильона — монгольский художник и скульптор Дензен Барсболдт, работавший во многих странах мира. После открытия экспозиции с ним встретился корреспондент «Газеты» Кирилл Решетников.

Как произошло, что именно вас пригласили быть главным дизайнером нашего книжного стенда в Пекине?

Да легко произошло. Позволили из Москвы и спросили, не соглашусь ли я сделать такой проект в Китае. Я сказал — почему бы нет? Это показалось интересным, тем более что я очень часто езжу в Китай. Я скульптор, и когда я ставлю большие памятники из бронзы или делаю небольшие статуэтки, я часто отливаю их в Пекине. У меня здесь есть знакомые ребята, которые очень хорошо работают с бронзой. В отливании бронзы китайцы знают толк. Я неоднократно говорил об этом своим друзьям в Москве — может быть, это и натолкнуло на мысль пригласить меня.

Какой концепции вы придерживались, когда оформляли стенд?

Концепция была такая: показать великому могучему Китаю могучую великую Россию. Но показать не автоматы Калашникова и не танки, а интеллекту-

альную мощь. Когда я бываю в Китае и разговариваю с местными жителями, в том числе с высокими армейскими чинами, я замечая, что отношение китайцев к России — сдержанно-опасливое, если можно так сказать. Китайцы видят в русских достаточно агрессивных и непонятных людей. Русские видят китайцев примерно так же. Нужно было продемонстрировать Китаю современную Россию как культурную, литературную державу — без высокомерия, но и не прогибаясь.

И какие же конкретные средства вы избрали?

Когда вы подходите к российскому павильону, вы видите большие ворота. Где ворота, там стена. Что такое стена? Обычно она ассоциируется с обороной от врага, будь то Великая Китайская стена или Кремль. Я намеренно сделал ворота и стены из стекла. Стекло уже как бы говорит: ребята, все прозрачно. На стенах вы видите указы Ивана Грозного, кириллицу, глаголицу, надписи из Корана, кал-

мыцкое письмо, собор Василия Блаженного, виды зданий из Санкт-Петербурга, мечетей из Татарстана, дацанов из Бурятии. Я хотел показать многонациональную Россию в исторической перспективе. Я не очень люблю современный хай-тек и эту нынешнюю моду в оформлении мебели. Но в данном случае я наступил себе на горло, потому что в Китае, стране стремительно развивающейся, обожают все новое. Нужно было сделать очень современный дизайн, чтобы китайцы, придя сюда, сказали: «Wow! Неужели это русские?» Ведь китайцы-то вас помнят по прежним временам, если говорить о писателях, то они остановились где-то на Фадееве. Поэтому все должно выглядеть абсолютно по-другому. Пусть здесь будут Чехов и Батюшков, но, с другой стороны, здесь должен быть и Сорокин.

Сорокина тут как раз нет...

Да, но дух современности, в том числе и дух Сорокина, здесь должен присутствовать —

дух абсолютно ясный, легкий, воздушный. Если вы заметили, выставка сделана таким образом, чтобы уместилось очень много книг, а с другой стороны, чтобы было просторно. Я сделал дизайн мебели специально для российской выставки, чтобы Россия здесь выглядела лучше всех. Если вы пойдете во французский или корейский павильон, вы увидите, что наша экспозиция выгодно отличается, в первую очередь, дизайном.

А конкретные стенды — скажем, «Эксмо» или «Вагриуса» — тоже вы оформляли?

Каждая конкретная организация просила себе столько-то квадратных метров, и я отводил им соответствующее место. А что касается представления книжек... Красна изба не углами, а красна изба пирогами. Так вот, углы — мои, а пироги — от российских издательств.

Я слышал, что пекинский павильон — ваш первый опыт в области выставочного дизайна. Так ли это?

Нет. В 1995–1996-м я, например, оформлял в Египте гигантскую монгольскую выставку динозавров.

Динозавров? Настоящих?

Вы знаете, в Монголии все настоящее: кашемир, мясо, молоко, динозавры... Это была именно выставка динозавров (естественно, скелетов), обнаружение которых на территории Монголии — плод многолетних монголо-советских, монголо-польских, японо-американских трудов. Выставка была гигантская, и над ней пришлось потрудиться — народ в Египте тоже со своими особенностями. Мы тогда работали и под Новый год, потому что наш календарь не совпадает с мусульманским. Вообще работать в иноязычной, а тем более в инокультурной среде очень тяжело. В Европе мне работать намного легче, чем где-либо еще. Это, наверное, дело привычки. И потом в Европе все друг к другу как-то притерлось, многие термины и жесты понятны всем европейцам. Совсем другое дело — то, что в Европе огрубленно называется Востоком, хотя этот Восток начинается в Мавритании и кончается где-то в Папуа — Новой Гвинее, а Египет отличается от Китая во много раз больше, чем Швеция от Испании.

Дензен, как вы стали человеком мира?

Судьба, судьба! Я родился в Монголии в 1958 году, в день смерти Мао Цзэдуна, моя мать из Бурятии, прадед со стороны отца — поляк. Я рос в Улан-Баторе и Улан-Удэ, учился в Москве в художественной школе имени Сурикова, в академии Репина по классу скульптуры. Работал в Монголии, Венгрии, Чехии, Америке, жил между Нью-Йорком, Пекином, Улан-Батором, Пхеньяном, Москвой и Будапештом с заездами в Италию и Францию. Я — последний кочевник. Многие монголы теперь живут в городах, а я кочую по странам.